
Об изменчивости внутривидового ранга

Цветовые варьеты и географические расы. 1945.

Александр Федорович Котс

Какова природа «цветовых вариаций» оперений Тетерева-Косача? Откуда вообще этот цветник окрасок и узоров, так капризно-прихотливо выступающих в форме редчайших «выродков», чтобы бесследно потонуть затем в огромной массе птиц, нормальных по окраске?

Какова природа этих варьетов?

Но сначала две существенные оговорки, относящиеся к расшифровке занимающего нас явления.

Всего прежде мы имеем здесь ввиду когда то сделанную неудачную попытку — объяснить происхождение некоторых наших «варьетов» следствием гибридизации.

Так, в частности, расцветки типа «Белобрюхого» и «стрельчатого» варьета оперений самок думали понять, приняв эти наряды за продукты скрещивания Тетерева с белой куропаткой.

(См. Мейер, Табл.)

Но не говоря о том, что подлинные помеси этих обеих птиц совсем другие и весьма константны по окраске (как показывает нам десяток экземпляров **Дарвиновского Музея**, представляющих типичных мозаических гибридов), — варьеты, о которых идет речь (Вар. альбавентрис и ланцеолата) по структурным своим признакам — типичные тетерева, ничем не выдающие в своем сложении примеси инородной крови.

Несомненно более оправдано сомнение в том, насколько часть нами описанных расцветок не явилась результатом скрещивания отдельных варьетов с птицами, нормальными по оперению.

И принимая во внимание вероятную плодовитость этих скрещиваний, можно допустить, что общее число исходных варьетов этих птиц не так уже велико, а что известный их процент приходится на долю помесей немногих подлинных исходных «выродков» с типичными тетеревами.

Но нетрудно видеть, что и в этом случае вопрос идет лишь о снижении количества **исходных** варьетов, и что основной вопрос об **их** природе и происхождении остается незатронутым.

Итак, откуда эта «вариетная» изменчивость в ее исходной, основной «некомбинационной» части?

Перед нами очевидно только частный случай основной проблемы эволюционного учения, решение которой мыслимо в трех руслах, в трех аспектах современной Биологии.

1. С акцентом на таящиеся в недрах организмов **внутренние** факторы, или причины изменений «бластного» характера.
2. С подчеркиванием роли **внешней** окружающей среды, условий жизни, как источников «соматогенных» изменений.
3. С выдвиганием эволюции живых существ под знаком целостного гармоничного объединения обоих факторов: природы организма и природы окружающей среды.

1. Начнем с акцента на природу организма и посмотрим, в какой мере занимающие нас варьеты говорят о «внутренних» причинах или факторах, их порождающих.

А. В пользу последних говорит прежде всего отсутствие какой либо локализации описанных варьетов: сходные варианты находимы у отдельных птиц самых различных популяций самых разных мест.

Так «белобрюхие» тетерева нашего **Дарвиновского Музея** поступали из весьма различных мест — районов Томского, иркутского, московского, владимирского и Финляндии.

Но и обратно: Разные варианты добывались спорадично в той же области, в том же районе, в тех же станциях.

Это разрозненное нахождение вариантов, их несвязанность в пространстве и во времени, встречаемость то тут, то там, среди громаднейшего большинства нормальных птиц, живущих в той же местности, на той же почве и при том же климате свидетельствует против связи «варьетета» с географией или ландшафтом, а тем самым против актуального участия среды и окружающих условий.

В. В том же смысле, т.е. в пользу доминирующей роли «внутренних» причин возникновения вариантов говорит явление «**аналогичной**» (параллельной) изменчивости оперения куриных птиц.

Не говоря о вышеупомянутом, доказанном, параллелизме масти и узоров оперения тетеревиных вариантов и декоративных кур (и это — при предельно разных средах: птичьего двора и вольной степи и тайги! —) не говоря о лишь предполагаемом параллелизме одеяний кур домашних и банкивских, можно указать на много замечательных примеров сходных аналогий в оперении различных представителей тетеревиных птиц, и даже за пределами тетеревиного семейства.

Всего проще эту параллель рядов выступает на примерах альбиносов, полных и ассиметрических частичных, как это показывают нижеследующие две «триады»:

Полные альбиносы **Тетерева, Глухаря и Рябчика** и Частичные ассиметрические Альбиносы той же тройки птиц.

Гораздо интереснее окраска следующей триады:

Перед нами **сизые** Глухарь, косач и рябчик. Однотонно пепельные крайние две птицы полностью подходят к пепельному тетереву-косачу, описанному нами в качестве Вар. *халибеа*.

Мы, таким образом, имеем здесь перед собою интересный случай однотипного, тождественного оперения у **трех** различных представителей тетеревиных птиц.

Сравнительная малочисленность хранящихся в музеях глухарей не позволяет говорить о том, насколько остальные варианты косачей встречаются у его более крупного собрата.

Легче подискать такие варианты для глухарок, чаще поступающих на рынки, а тем самым и в коллекции музеев.

Относительно нередки **хромистические** варианты у глухарок типа охраца, — равномерно охристого тона с тусклым, «теньвым», как будто затушованным рисунком. (восемь экземпляров, среди них три молодых того же выводка)

Менее ярко, но бесспорно относясь к тому же варианту, наблюдается такой хромизм в оперении **Рябчиков**, вполне сравнимый охристыми оперениями тетерек типа охраца и флаваценс.

Возвращаясь к вариантам у глухарок, интересно указать на крайне специфические отклонения окраски в сторону Вар. *субальбида*: характерного сочетания выпадения ржавого пигмента и замены его бледно палевым с типичной черной разрисовкой. Перед нами **две** Глухарки из различных мест, но абсолютно идентичные по оперению.

Гораздо реже попадаются среди глухарок изменения типа *паллида* и *лактеа*, вполне аналогичные подобным изменениям у самок косача: то же белесо-палевое оперение со слабым, словно выцветшим рисунком.

Наконец, в виде огромной редкости можно отметить приближение пера Глухарки к типу «Стрельчатого» варианта: молодая птица с сильно сокращенным черным и, напротив, ярким выступанием белых окончаний опахал на большем протяжении: на мантии, боках, надхвостье и отчасти даже маховых.

Взятые вместе, сокращение ржавого и усиление белого на каждом опахале вместе с характерным надствольным заострением черных крапин каждого пера (особенно рельефно выступающим на плечевых!) — сближает этот тип пестрин с нами описанным для оперения тетерек варианта «стрельчатого» или «ланцетовидного».

Этот же тип бесспорно выступает и на оперении рябчиков, и это не смотря на полное несходство их нормального наряда. Наблюдается этот вариант у рябчиков необычайно редко, выражаясь в исчезании основного дымчатого тона, усилении белого и черного и в замещении нормальных поперечных и округлых темных пятен стрелчато-ланцетовидными пестринами. В итоге — крайне пестрый черно-белый «стрелчатый» рисунок, с первого же взгляда выдающий свою близость с таковым же у тетерек соответствующего варианта.

Менее рельефно, хотя все же несомненно принимает оперение рябчиков характер разрисовки типа «Белобрюхих вариантов».

При несходстве оперения нормальных рябчиков и тетерева это сходство названного варианта у обеих птиц касается лишь нижней стороны и выражается в увеличении белых койм на брюхе и груди, в замене поперечных темных лент отдельных опахал — продольной разрисовкой, удлинением, вытягиванием этих лент.

В итоге — поразительное сходство оперения нижней части тела «белобрюхих» рябчиков и соответствующих тетерек, пестрое, рябое оперение которых представляет больше данных для сравнения, чем однотонное перо у косачей.

Нигде, однако, этот элемент параллелизма или аналогии в изменчивости птиц, столь глубоко несходных в их нормальном оперении, не выступает так рельефно и так несомненно, как на примере замечательного варианта рябчика, когда-то (1880 г), выделенного профессором М.А. Мензбиром в качестве особого, самостоятельного вида — «**Рябчика Темнобрюхого**» (Боназа гризеиентрис).

Добытый доселе только в виде единичных особей и лишь в районах, прилегающих по обе стороны Урала, этот рябчик разделяет свойственную прочим «выродкам» неприуроченность к определенной местности. Все говорит за то, что перед нами лишь меланистическое уклонение обыкновенного «рябого» оперения.

Но вот, что замечательно.

Вглядываясь ближе в темную окраску этих аномальных рябчиков, легко заметить в оперении почти каждой птицы небольшую примесь белых перышек, то в виде белых пятен на груди, на шеи, или голове, то в виде небольшого белого пятна на подбородке.

Эта примесь «альбинизма» на меланистическом пере напоминает сходную особенность у темных «выродков» тетерек, выделенных нами под названием: «*опака*».

Тот же однотонный мрачный фон окраски, то же истончение рисунка, то же потемнение нижних кроющих хвоста и те же белые, редко разбросанные пестрины.

Перед нами — несомненно, сходный тип изменчивости у обеих птиц, у Рябчика и у Тетерки, вопреки предельному различию их нормального наряда, позволяющий объединить обеих птиц под общим именем: Вар. *Опака*.

Говоря о параллельных вариантах Рябчика и Косача, мы проводили их сравнение лишь в отношении отдельных партий оперений, столь различных в их «нормальном» состоянии.

Еще более частично выражается аналогичность уклонений оперений там, где речь идет о еще более отличных представителях тетеревиных птиц, как например при сравнении двух антиподов по окраске: Черного Тетерева и белой куропатки.

Перед нами пара экземпляров этих птиц (из Акмолинской области), в типичном зимнем оперении, усыпанном на верхней стороне (спине, надхвостье, кроющих крыла) землисто-бурыми ланцетовидно-стрелчатыми пятнами. Подобные же пятна, только скрытые, или едва просвечивающие налегающее сквозь густое белое перо, заметны частью и на боковой и нижней части тела (шее, зобе, брюхе, кроющих крыла), особенно у самки, в оперении которой многие из опахал до крайности напоминают разрисовку оперения «ланцеолата» у Тетерок.

Это нахождение аномального тетеревиного рисунка в оперении белых куропаток представляется тем более любопытным, что присуще оно **зимнему** наряду этой птицы, обеспечивающей тот **белый** фон, который в стрельчато-ланцетовидном варианте у тетерек доставляет **альбинизм**. Там — нормальное для зимнего наряда побеление, здесь — случайная аномалия пигментации, и, тем не менее, в обоих случаях тождественная разрисовка белых опахал.

Свидетельствуя об известной автономности слагающих компонентов, эта любопытная мозаика рисунка говорит об общности его задатков у различных представителей тетеревиных птиц (на слишком, правда, неожиданной в последнем случае, поскольку, как известно, **куропатки** белые фактически гораздо ближе к тетеревам, чем «куропаткам»).

Еще более наглядно эта аналогия в вариациях нарядов выступает при сравнении взаимно еще более отдаленных групп, при переходе от тетеревиных птиц к фазановым, т.е. при привлечении представителей другого подсемейства (Фазианида).

Хорошо известно, что обычная пурпурно-золотистая окраска у кавказского фазана (как и вообще «охотничьих» фазанов, получившихся путем гибридизации различных импорттированных форм фазанов, уссурийских и других..) нередко заменяется белесовато-палевой окраской основного фона с сохранением темной разрисовки перьев и зелено-фиолетового блеска головы и шеи.

Сравнивая этого «белесоватого» (Фаз. колхикус вар. субальбида) фазана с соответствующими вариантами тетерек и глухарок (вар. субальбида) мы получаем превосходный образец аналогичных «аномальных» оперений трех нормально резко различающихся птиц.

И в самом деле. Не легко найти трех представителей двух разных подсемейств куриных столь же непохожих по строению, цвету оперения и повадкам, как фазан, глухарь и тетерев: там — обитатель знойных, солнечных кустарниковых зарослей и камышей, или высоких трав, — здесь занесенной снегом лесостепи или сумрачной тайги.

А между тем при всем этом различии ландшафта, климата и почвы, вопреки различию в образе жизни и нормальных оперений упомянутых трех птиц — отдельные их особи встречаются в тождественных нарядах, в сводных вариантах в данном случае Вар. *субальбида*.

Нетрудно видеть, что один лишь этот факт встречаемости сходного, тождественного цветового варианта в двух самостоятельных семействах, именно **Тетраонидэ** и **Фазианидэ** только подтверждает все изложенное выше о параллелизме вариантов тетерева и декоративных пород кур.

Мы преднамеренно остановились несколько подробнее на замечательном явлении параллелизма цветности, окраски оперения у представителей разных родов и подсемейств, не только во внимание к малой известности части примеров, нами приведенных, но и потому еще, что именно они, примеры эти, с очевидностью свидетельствуют о решающем значении и **в этих случаях** природы организма, а не окружающей среды.

Вспомним белесого фазана, издавна описанного в качестве Вар. субальбида, и в совершенно идентичной форме попадающегося, в диком состоянии, на Кавказе, и еще чаще при полудомашнем их (так наз. «парковом») разведении, как то показывают два наших экземпляра, один из Англии, другой — из Польши, из под Ченстохова. Трудно думать, что при совершенно разных формах и условиях существования на Кавказе, в Англии и Польше — внешняя среда каким то образом, нам неизвестным, повлияла на отдельных, совершенно единичных особей, придав им светлую белесую окраску невпример громаднейшему большинству нормальных родичей, живущих в тех же климатических, и почвенных, и кормовых условиях.

Вот почему мы в этих двух взаимно связанных явлениях:

Множественного варирования в пределах того же **вида** и **аналогичного** (тождественного) — в разных видах и родах (и даже подсемействах!), в этом явлении «Плюривариатив» и «Паривариатив» можем усматривать реальный аргумент в защиту взгляда Дарвина на доминирующее значение природы организма а не факторов среды.

С. Переходим к следующему свидетельству в защиту разбираемого взгляда на изменчивость, как коренящуюся больше в недрах организма, чем в природе окружающих условий.

Аргумент этот отчасти примыкает к предыдущему, являясь лишь его логическим развитием и продолжением.

И в самом деле. Стоит лишь предположить, что единичные и спорадические цветовые уклонения типа рассмотренных, начнут локализоваться, учащаться, приурочиваться в пространстве и во времени и перед нами хорошо известное явление **видового Диморфизма**, или, правильнее говоря: **Дихроматизма**.

Распространенное гораздо шире, чем то может показаться, и недооцененное вполне ни **Дарвиным**, ни большинством зоологов, это совместное существование в том же выводке при абсолютно одинаковых условиях «среды» двух, или большего количества различных по окраске «морф» охватывает самых разных представителей царства животных.

Опуская множество примеров, слишком хорошо знакомых по учебным сводкам (Кречетов, Подоликов, Поморников, Сипух, Неясытей) мы ограничимся упоминанием музейно менее известных, менее обычных даже в специальной орнитологической литературе.

Но сначала несколько примеров, помогающих связать это явление видового диморфизма с цветовыми вариантами.

«**Лирурус** тетрикс ириданус тшузии».

Под этим наименованием был описан, как известно, Тетерев-косач из Юго-Западной Сибири. А причина выделения: наличие у этих птиц широкой белой полосы при основании рулевых, как то показывает пара отдельных и освобожденных от поверхностного оперения хвостов и их сравнение с «нормальными» хвостами пары тех же птиц типичной расы.

По свидетельству зоолога их описавшего, все косачи из Юго-Западной Сибири обладают этой корневой белизной почему и выделены им в особую географическую расу.

Оставляя в стороне вопрос, насколько это выделение последней лишь на основании признака, присущего лишь части коллектива и лишь на одном участке общего распространения подвида может быть эквивалентно этому последнему, — необходимо указать, что сходная прикорневая белизна встречается как редкая аномалия у тетеревов различных мест **вне** Юго-Западной Сибири, как показывают экземпляры с нашей западной окраины (Могилева), Севера (Архангельск), Дальнего Востока (Уссурийской области).

Мы таким образом, имеем интересный факт, что признак, коллективный для определенной группы и на ограниченном участке изредка встречается в порядке индивидуальном у отдельных особей других различных популяций но того же вида.

Перед нами характернейший пример, так наз. «Трансгрессивности», явления «захождения» и «перекрытия» отдельных признаков и думать, что повинна в этом «внешняя среда», условия существования, весьма различные в указанных местах, — нет никакого основания.

Но обратимся к собственно диморфным видам.

В оправдание элементарности цитируемых примеров, мы отметим, что один из них считался долгое время уникальным, а другой, хотя и хорошо известный, но обычно только в форме схематических и беглых описаниях, без вещной и наглядной пояснительной документации.

Начнем с последней.

Перед нами многочисленное общество высоконогих длинношейных птиц из группы цапель — стройных шилоклювых обитателей болот и в то же время лезящих в ветвях, нередко избираемых и местом их общественного гнездования.

В отличие от большей части цапель, разбираемая группа птиц — **Флорида Церулеа** — поражает пестротой своего состава: особи голубовато-аспидные с ржавчатыми головой и шеей, с белой горловой полоской или без нее и рядом — формы белоснежные лишь с темными концами крыльев; — тут же промежуточные по окраске особи, то светлые с вкрапленными частями темного пера, то равномерно пепельные с белыми пестринами и пятнами в различных сочетаниях — и все эти несходные наряды можно наблюдать у разных членов той же гнездовой колонии и на любом участке местообитания этих цапель от центральной области сев. америки и до Бразилии и Гвианы.

Оставляя за собой вернуться к этому примеру — обратимся к следующему, аналогичному.

У населяющей огромное пространство от Малайского Архипелага и Кореи до Австралии и Полинезии миниатюрной цапли, называемой «Полуэгреткой» (Демиегретта сакра) мы встречаем уже подлинный дихроматизм.

В большей своей части своего обширного распространения цапли эти позволяют различить две фазы: темную и белую, при том в любое время года, независимо от пола и во взрослом состоянии (в молодости оперение птиц обоих типов одинаково и приближается к окраске темной фазы. Особи обеих фаз местами, в Полинезии, взаимно скрещиваясь, могут приводить к образованию помесей обоих типов, к белому перу, усыпанному темными пестринами. Однако, чаще пары состояются из сходных по окраске особей, чем объясняется и однородная впоследствии окраска выводков. Последние, то белые, то темные, встречаются бок о бок, попеременно, в той же гнездовой колонии, но разномастные по внешности эти колонии в действительности состояются из однородных по окраске семей.

Перед нами — два классических примера резкого дихроматизма, с полной очевидностью нам говорящих о широкой автономности окраски оперения в смысле независимости ее от окружающей среды, предельно сходной для сочленов той же гнездовой колонии, той же семьи, того же выводка.

В обоих только что описанных примерах, цапель, принадлежность разномастных птиц к тому же виду не могла, конечно вызывать сомнение. Но не то приходится сказать о следующем случае, тем более интересном, что касается он представителя отечественной фауны и разгадан относительно недавно.

Около ста лет тому назад описан был особый небольшой орел из Индии с необычным золотисто-ржавым оперением.

Под названием «Желтого Подорлика» (*Aquila* Gray) орел этот был выделен, как новый и дотоле неизвестный вид.

Сходные птицы — описывались и позднее под различным именем и по отдельным экземплярам, добывавшихся то здесь, то там, в различных местностях Европы, Азии и Африки, но всюду только по редчайшим одиночным экземплярам. Общее количество таких подорликов было едва ли многим более одного десятка и загадочная редкость птицы повышалась тем, что настоящая их родина, место гнездовья оставалось неизвестным.

Порою, правда, некоторым зоологам самостоятельность этого нового орла казалась спорной, большинство же их склонялось к мысли автора, его впервые описавшего, считая «желтого» подорлика за форму, хорошо отличную от прочих представителей орлиных, за вполне самостоятельный особый «Вид». Это воззрение разделялось большинством и западных, и русских орнитологов.

Но вот случайно в низменной, болотистой лесной глуши бывш. Владимирской Губернии, в начале лета 1907 года было найдено гнездо какого то орла, с тремя уже оперенными птенцами.

Каковы были родители этого выводка — установить не удалось, и только косвенно, по оперению молодых, возможно до известной степени судить и о наружности обеих старых птиц. Тем интереснее окраска молодых.

Из трех орлят две птицы — черновато-бурые с более светлыми пестринами на кроющих крыла и брюха, с очевидностью свидетельствовали о принадлежности своей к обыкновенному «Большому» или «Пятнистому Подорлику», () широко распространенному по всей Европе, как и прилегающих частях Сибири.

Тем парадоксальнее была окраска третьего птенца: типичная для «Желтого Подорлика»!

Эта единственная в свое время пара птиц¹ является глубоко поучительной. Не только тем, что расшифровывает истинную природу «Желтого Подорлика», как цветовую «фазу» или варьетет обыкновенного пятнистого подорлика, но хорошо показывая, до каких размеров может доходить различия дихроматичных птиц, способные дезориентировать десяток величайших орнитологов, считавших «желтого подорлика» за «новый» вид.

Как ни известны эти и подобные им случаи дихроматизма, можно уверенно сказать, что их громадное значение для выяснения ряда основных вопросов эволюционного учения доселе не было раскрыто, как не было оно вполне оценено и самим Дарвином в его «Происхождении Видов».

2. Оставляя за собой вернуться к этим расшифровкам и оценкам, обратимся к рассмотрению проблемы о происхождении варьететов с точки зрения, обратной предыдущей, именно в ламарковском аспекте, выдвигания значения и роли окружающей среды и жизненных условий.

Опуская ряд примеров большей или меньшей приуроченности варьететов к некоторым районам (темнобрюхих рябчиков по обе стороны Уральского хребта, меланистического варьетета Неясыти («Сирниум Вильконский») к Кавказу) — случаев, не слишком убедительных, ибо свидетельствующих скорее против соучастия локальных факторов, рассмотрим доводы, или примеры, подтверждающие роль среды и окружающих условий в проявлении изменчивости у животных.

а. — Всего менее убедительна давно известное явление изменение окраски оперения у содержащихся в неволе певчих птиц, будь то замена красной шапочки на желтую у клеточных чечеток, утрата киноварекрасного пера клестов, или появление черного наряда у «сидельных» снегирей, щеглов и прочих зерноядных Пассерес.

Как непроверенные в отношении наследственности у потомков (и, конечно, при выращивании последних в обстановке, приближающей к естественной и при нормальных кормовых условиях) эти кустарные, произвольные эксперименты столь же мало убедительны для наших целей, как и получение разноцветно-оперенных голубей, подвергнутых питанию зернами, подкрашенными анилином.

Несравненно более заслуживают нашего внимания наблюдения над содержащимися в неволе альбиносами, именно галками Московского Зоопарка, поступившими после их падежа в собрания **Дарвиновского Музея**.

Мы имеем здесь в виду тот любопытный факт, что оперение частичных альбиносов может изменяться в продолжение того же года.

Так, на экземпляре светлой галки (говоря точнее: светло-серовато-пепельно-белесой с дымчатым налетом и разбросанными кое-где землисто-сажными вершинами и коймами опахал..) находится собственноручная пометка, сделанная тогдашним директором Московского Зоопарка, проф. П.А. **Мантейфелем**:

«Галка частичный альбинос, Поймана в Подольске, Моск. губ. в 1929 г. — Пала в 1930 г. — Окраска галки в разные сезоны была неодинакова: белая окраска в весенне-летний период сменялся в обычный. Пала в Зоопарке»

—П. Мантейфель.

И наоборот, на этикетке темной галки с симметричной белой разрисовкой головы, читаем:

«Галка — частичный альбинос Поймана в 1928 году в Москве. Временами галка была почти белая. Пала в Зоопарке.»

Приведенные две птицы, говоря точнее, наблюдения над ними при их содержании в неволе, очень интересны, объясняя многие особенности альбинизма вообще.

¹ Второй аналогичный выводок был найден в Зап. Сибири (Тобольской Области в 1916 году. Два добытых птенца, один — нормально-темный с оперением типичным для большого, пестрого подорлика, другой — с окраской типа «желтого», хранятся в Зоологическом Музее Гос. **Московского Университета**.

И в самом деле. Эта неустойчивость альбинистических нарядов у того же организма проливает свет в тройном отношении:

- a. на редкость альбиносов, мало удивительную, если многие из них лишь в молодости таковые и темнеют с возрастом.
- b. на мозаичность, пестроту рисунка у ассиметричных альбиносов. Пестрое чередование белых и нормальных партий объясняется не только прирожденностью последних, но и дополнительным вращанием нормальных перьев, или вытеснением их за счет альбинистических по мере возраста животного и хода линьки.
- c. на связь альбинистических нарядов птиц с физиологией единого и целостного организма, именно процессами обмена, нарушения которого (как то имеет место при замене вольной жизни содержанием в неволе) и при том в различной степени в зависимости от сезона, — вызывает соответственные изменения в окраске, пигментации животного.

Этот последний факт настолько тесно связан с основной проблемой, нас интересующей, что пояснить его аналогичными примерами нам кажется не лишним.

Перед нами пара молодых скворцов, добытых несколько недель спустя по оставлении гнезда. Та и другая птица в состоянии линьки, смены гнездового оперения на взрослое.

Одна из птиц — сверху нормальная, землисто-бурая без всякого рисунка, сверху. Снизу этот молодой птенцовый, гнездовой наряд наполовину вытеснен нарядом взрослым в виде черных металлически блестящих перышек, несущих каждое по светлому вершинному пятну.

Распространяясь далее это блестящее перо в дальнейшем как известно, привело бы к характерному сверкающему металлическим отливом и усыпанному светлыми пестринами наряду взрослого скворца. Этой конечной стадии окраски наша птица не достигла, будучи застрелена в разгаре линьки.

Обращаемся к другому экземпляру, верхнему на препарате.

Тоже молодой скворец, подобно предыдущему застигнутый в периоде линьки. Без труда усматриваем по бокам груди и брюха черные с белыми крапинами перья взрослой птицы, резко выделяющиеся на фоне молодого оперения.

Это последнее оказывается — альбинистическим.

Скворец этот родился альбиносом, но начавшаяся линька кое-где уже успела уничтожить гнездовое белое перо.

Будь птица добыта неделями двумя позднее, после окончания смены молодого оперения на старое, — никто и не догадывался бы о ее временном альбинистическом наряде.

Интересный по своей наглядности этот пример показывает нам, что альбинизм может быть присущим молодым животным и исчезнуть с возрастом, что альбиносов больше рождается, чем выживает.

В приведенном случае мы видим смену аномального наряда на нормальное.

Обратное явление, смену нормального пера на аномальное, показывает нижеследующий пример, имеющий прямое отношение к занимающей нас теме: о природе «варietetов».

Перед нами молодой косач, с заметными следами гнездового оперения на спине, на голове и шее. Говоря иначе родился наш тетерев в нормальном, пестром, гнездовом наряде, добыт же в наряде «Стрельчатого» варietetа с характерной разрисовкой и окраской, ему свойственной: типичнейшие «кеглевидные», «ланцетовидные» и стрелчатые черные наствольные полосы, расширенные до изящных четких предвершинных пятен, ярко выступающие на контрастно-белом фоне опахал.

В отличие от полных и частичных но ассиметричных альбиносов, вообще от однотонных варietetов (типа «дымчатого» или «сизового»), заметных уже на птенцовом оперении, наряды с разрисовкой биоме-

трической и более сложной типа «белобрюхой», «стрельчатой», или «каемчатой» слагаются по видимому лишь в порядке замещения черного, нормального наряда.

Перед нами снова убедительное доказательство того, как занимающие нас окраски, цветовые варианты наследственных, коренясь в природных недрах организма, будучи бесспорно прирожденными, регулируются все же физиологически, определяясь возрастными состояниями организма.

Из сказанного явствует, что выдвигая роль «среды» в вопросе о причинах появления цветовых вариантов оперения, мы центр тяжести аргументации невольно переносим от «среды» в ее обычном, аксогенном понимании, на «эндогенную» среду, на соматическую базу, правильнее говоря на «организм в целом», как источник, если и не зарождения, то регулирования выявления отдельных признаков.

И, поступая так, мы руководимся не только явной не возможностью влиять на занимающие нас наряды птиц путем обычного эксперимента и свидетельствами многовекового опыта — одомашнения, акклиматизации животных.

Опуская ряд давно известных, поучительных примеров по разделу мелкого животноводства (Кролики, морские свинки), остановимся на случае новейшей даты, — на истории «Волнистых Попугайчиков» (Меллопситакус ундулатус).

Самый «популярный» из всей группы попугаев и бесспорно наиболее любимый, ставший до известной степени на положении «домашнего», этот изящный попугайчик со времен открытия Австралии и до начала этого столетия в неисчислимых массах импортировался в Европу лишь в одной присущей ему дикой масти: снизу ярко зеленой с тонкой темной разрисовкой мантией, желтой головкой, изукрашенной лазурно-голубыми крапинами на щеках.

Сотнями тысяч привозились эти попугайчики в течение минувшего столетия в Европу, всюду, как на родине, так и в Европе, стойко сохранявшие свою природную окраску.

Между тем, по мере расширения любительского разведения этих птиц в неволе, массовый импорт их становился нерентабельным и ныне заменен всецело птицами, родившимися в клетках и садках Европы.

Параллельно с этим и бесспорно прямо, или косвенно лишь этим обусловленно, исходные зеленые наряды диких попугайчиков стали давать все новые и новые окраски.

Всего раньше, появились среди «клеточных», «сиделых» птичек особи с резко поблекшим оперением, светло-зелено-желтого оттенка. Несколько позднее, на пороге этого столетия — стали попадаться «голубые» попугайчики, точнее, заменившие зеленый цвет лазурно-голубым, а желтый (на щеках, на лобике, на крайних рулевых, на темени, затылке, мантии) на серовато-белый.

Еще позже, на глазах у нас — возникли новые варианты «голубых» нарядов: синие и «бело-голубые»..

Охватывая ныне общим взглядом это верещащее собрание разноцветных попугайчиков, как они массами содержатся в нашем московском Зоопарке, и при том в одной вольере, — трудно удержаться от признания именно момента «акклиматизаций», одомашнения, как фактора, содействовавшего возникновению этих расцветок.

Не как следствие особого питания (корм — одинаковый для попугайчиков любой окраски) не под действием особенностей климата (тождественный для всей вольеры) зародилось все это многообразие расцветок птички, столь устойчивой на воле, и в Европе в продолжении целого столетия.

Влияние «Среды» мы будем понимать и здесь в том смысле, что под **длительным** влиянием глубоко необычных окружающих условий (клеточного содержания) в недрах организмов были вызваны дотолее небывалые наследственные изменения в развитии, смещении и выпадении пигментов, но, конечно, лишь на базе существующих возможностей, т.е. пигментов желтого, зеленого и голубого(?)²

И едва ли самые упорные и резкие воздействия «среды» способны были бы дать красных или розовых

² — волнистых попугайчиков, красных, зеленых глухарей и косачей!

Итог, к которому мы склонны подойти, сводился бы — со всеми оговорками, уместными в подобных случаях, — к признанию двойственной природы большей части цветковых вариантов, о которых говорилось выше, будь то попугайчики Австралии, нашедшие себе в Европе, именно ее вольерах, новую, вторую родину, или причудливые цветковые «выродки», цветные вариететы у тетеревиных птиц.

Иначе говоря: Не отрицая лимитированности цветковых вариаций, ограниченных для каждого семейства или рода птиц, мы еще менее считали бы возможным отрицать зависимость их выявления от внешней окружающей среды.

Конечный вывод сказанного о происхождении цветковой изменчивости типа «вариететов» сводится к признанию ее тройной природы:

Обусловленности внутренними пигментарными ресурсами, как и процессами «обмена», в свою очередь зависящими от условий жизни.

Пусть бессильны мы пока путем прямого опыта конкретно доказать возникновение **диких** «вариететов», как реакцию, и отклик организма на воздействие «среды».

Тем более уместно обратиться к аргументам косвенной документальности.

Мы разумею многовековой гигантский опыт, замечательный эксперимент, проделанный когда то первобытным человеком при одомашнении былых прародичей теперешних четвероногих и пернатых спутников нашей культуры.

В самом деле. Если в отношении австралийских попугайчиков замена их привольной жизни клеточным режимом за немногие десятилетия способно было породить причудливый цветник окрасок, неизвестных в диком состоянии, то тем естественнее ожидать еще гораздо более эффектных цветковых реакций диких предков наших одомашненных животных в результате многовековой культуры их под властью человека..

Рассмотрением этого культурно-исторического довода, пусть не доступного прямому доказательству, уместно будет заключить эту главу.